

НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЙ ЗАМЫСЕЛ А. А. БЛОКА "СТРАНИЦА ИЗ ДНЕВНИКА"

А. Е. ЗАБЛОЦКАЯ

Статья под названием "Страница из дневника" (в дальнейшем СД) была задумана и начата Блоком в марте 1918 года. Работа, однако, осталась неоконченной, а связанные с ней материалы поэт, по-видимому, уничтожил. Сохранился лишь набросок начала статьи, случайно попавший в другие бумаги Блока (1). Хотя этот текст не раз публиковался (2), СД не становилась предметом специального исследования. Цель настоящей работы – попытаться восстановить основные контуры блоковского замысла.

Начиная работу над СД, 15 марта 1918 года Блок отмечал в записной книжке: "Некоторые мысли и кое-какая работа (Ключевский, Вл. Соловьев)" (ЗК, 395). Этой записи, на которую уже указывалось публикаторами наброска (3), предшествовала другая, не замеченная исследователями – от 11 марта 1918 года. Фиксируя в этот день свои планы на будущее, поэт записал: "Страница из дневника. Ключевский. IУ период рус<ской> ист<ории>. Вл. Сол <овьев> – Росс<оия> Польша и евр<си>" (4). Обе записи, формулируя тему будущей статьи, дают важнейший материал для понимания блоковского замысла.

Замысел СД возник в пору накала революционных настроений Блока, когда поэт напряженно размышлял об историческом моменте, переживаемом Россией. Как известно, Октябрьская революция была воспринята им как начало нового исторического периода, "грандиозный по масштабу переход к "новой эре" (5). Представление о неизбежном конце старой и начале новой эпохи, сформировавшееся еще в предреволюционные годы (6), было тесно связано для поэта с именами В. О. Ключевского и Вл. Соловьева.

Ключевский в этом смысле воспринимался Блоком прежде всего как автор 41-й лекции "Курса русской истории" – текста, в котором вычленен и исследован период "новой русской истории" – последний (4-й) исторический период, продолжавшийся, по Ключевскому, со "смутного времени" до начала царствования Александра II (7).

К 41-й лекции поэт обратился летом 1917 года, и она показалась ему исключительно важной для понимания смысла совершившихся событий. В выводах Ключевского, в первую очередь – в идее завершенности 4-го периода Русской истории, Блок увидел подтверждение своих давних мыслей о приближающейся смене исторических эпох. Это заставило его в те месяцы осознать современность как "переходный период", когда закончилась одна и должна наступить другая эпоха (8). Последующие события (Октябрьская

революциям, зимнее наступление немцев на Петроград) были восприняты поэтом как естественное продолжение наметившегося процесса, а подписание в начале марта 1918 года Брестского мира заставило его сделать вывод об окончательной гибели старой России. "9/10 России (того, что мы так называли), действительно, уже не существует. Это был больной, давно гнивший; теперь он издох <...>", — писал поэт по поводу закрепленного мирным договором территориальных потерь бывшей Российской империи (VII, 328) (9). Так в марте 1918 года Блок приходит к мыслям об уже состоявшейся смене исторических эпох, о конце описанного Ключевским 4-го периода русской истории и начале нового.

Эта концепция и легла в основу известного нам начала СД, писавшегося непосредственно после брестских событий. Высказывая здесь свой взгляд на современную эпоху, Блок подчеркивает связь своих мыслей с идеями Ключевского:

"Российская империя распалась <...>

Окончился период "новой русской истории", тот период, который Ключевский считает четвертым и который охватывает для него <...> 250 лет. Теперь уже несомненно, что царствования последних трех императоров входят в тот же период — трехсотлетний; новый открывается новой смутой <...>" (У1, 448).

Итак, набросок начала СД, по-видимому, был реализацией той части замысла, которую Блок обозначил словами: "Ключевский. 1У период рус<ской> ист<ории>". Поднятый в нем круг вопросов позволяет предположить, что и замысел в целом был связан с намерением осмыслить современность как определенный этап в историческом развитии России.

Блоковская концепция истории наряду с идеей гибели "старого мира" включала представление о новой эпохе. И в предреволюционные годы, и после революции мысли о "новом мире" были связаны для поэта с именем Вл. Соловьева. Как известно, Блок считал философа "носителем и провозвестником будущего" — событий, свидетелями которых суждено было стать современникам поэта, и которым еще надлежит "развернуться в мире" (ср. У, 454; У1, 155, 159) (10). В этом смысле кажется глубоко не случайным упоминание имени Соловьева в связи с замыслом СД: по всей вероятности, остановившись в начале статьи на проблеме распада "Российской империи", Блок собирался перейти к размышлениям о русском будущем — теме, которая намечена уже в известном тексте СД ("новый <период — А. З. > открывается новой смутой").

"Соловьевская" тема СД сформулирована Блоком как "Вл. Сол<овьев>— Росс<ия>, Польша и евр<еи>". Это определение отсылает к статье Вл.

Соловьева "Еврейство и христианский вопрос" (1884), одна из глав которой носит название: "Судьбы еврейской и христианской теократии. Россия, Польша и Израиль" (11). Философ излагает в этой работе свою концепцию будущего как "вселенской теократии", которую должны осуществить три народа: русский, польский и еврейский. Именно эти народы являются носителями трех "теократических начал", в настоящем – разобщенных (12). Воссоединение этих начал, которое приведет к установлению "вселенской теократии", есть историческая миссия России, Польши и еврейства (13). Будущая теократия при этой мыслилась Соловьевым как путь к разрешению важнейшей для него проблемы Востока и Запада, а сами "польский" и "еврейский" "вопросы", по Соловьеву, "суть лишь разные исторические формы <...> великого спора между Востоком и Западом" (14).

Как известно, соловьевская утопия была чрезвычайно важна для Блока (15). Уже в предреволюционные годы, в пору формирования блоковской концепции исторического "возмездия", поэт связывал будущее человечества с судьбой России и Польши, в которых видел силы, способные противостоять как западной "цивилизации", так и разрушительным силам Востока и сыграть "мессианическую" роль в истории (16). Эти мысли, порожденные "революционными предчувствиями", оказались по-новому актуальны для Блока в эпоху революции, преломившись сквозь призму "скифских" настроений (17). При этом поэт начинает осмыслять революционную Россию как носительницу "духа музыки", противостоящую "безмузыкальной" Европе, и видит ее "историческую миссию" в том, чтобы "заразить здоровьем" человечество, "восстановить погрязшие <...> права музыки" и тем самым спасти мир от гибели "в пасти азиатского Дракона" (18). В этой же связи Блок размышляет и о судьбе Польши (УП, 328) (19). Привлекает поэта в то время и соловьевская идея об историческом призвании еврейства. Читая несколько позднее книгу В. В. Розанова "Апокалипсис нашего времени" (1917–18), Блок обращает внимание на мысли, явно понятые им в соловьевско-"скифском" ключе: о том, что еврейство сыграло "соединительную" роль между Востоком и Западом, о родстве русских и евреев, сходных своей "задушевностью" (ср. соловьевскую идею общности исторического пути России, Польши и еврейства) и о том, что евреи всегда противостояли западной "цивилизации" и в этом "правы против Европы" (20). Думается, однако, что нет оснований говорить в этой связи о специальном блоковском интересе ни к "польской", ни к "еврейской" проблемам. Определение "Вл. Сол<овьев> – Росс<ия>, Польша и евр<еи>", скорее всего, было лишь отсылкой к общему пафосу соловьевской теократической утопии, важному для поэта в свете его тогдашних размышлений о будущем русской революции (21).

Наряду с работой "Еврейство и христианский вопрос" Блока привлекала в то время другая ключевая для соловьевской историософии статья – "Три силы" (1877) (22). В этой статье философ особо подчеркивал, что указанный им путь развития человечества – единственно возможный: в любом другом случае мир придет к "концу истории" (23). Эта идея, по-видимому, присутствовала в сознании Блока, когда он размышлял о будущем России. Допуская возможность победы сил, враждебных "революции" – немецкой оккупации, мещанства ("буржуев") – поэт определял этот трагический исход как "конец исторического процесса" (ЗК, 384, 391). Заключенные в кавычки, эти слова, по всей вероятности, были для Блока отсылкой к соловьевской статье.

В дни обдумывания СД Блок напряженно следил за силами, ведущими к "концу истории". 13 марта поэт приходит к выводу о "случайности" этих сил: "Сон после обеда. После сна – яснее: "немцев" вовсе и нет на свете <...>Просто "завелось", как Шульман: незримая вошь – война, Шульман, казарма" (ЗК, 395; "Шульман" для Блока – символ всего "буржуазного"). В состоянии некоторой успокоенности поэт находится и в последующие дни. "Будь что будет", – записывает он 15 марта, в день начала работы над СД (ЗК, 395). Отказ от мыслей о "конце истории" стал, таким образом, важным импульсом в формировании блоковского замысла. Именно поэтому автор СД, отвергнув возможность трагического исхода революционных событий, должен был сосредоточить свое внимание на пути, указанном Вл. Соловьевым – пути примирения Востока и Запада и выполнения Россией ее "исторической миссии". Эта концепция будущего, преломленная в духе "скифства", по всей вероятности, и должна была лечь в основу "соловьевской" части СД.

Сказанное позволяет сделать некоторые выводы. Итак, в СД Блок предполагал выразить свой взгляд на современность. Содержанием статьи должны были стать мысли поэта о завершенности 300-летнего периода русской истории и о начале новой эпохи, "открываемой" революцией, о будущем человечества как направленном "историческом процессе", ведущем к "восстановлению" "музыки" в мире – процессе, в котором решающую роль должна сыграть революционная Россия.

Почему поэт озаглавил статью СД? Думается, что в сознании Блока присутствовала популярная в символистской среде идея "Дневника писателя" – журнала в духе "Дневника писателя" Достоевского (24). Такое издание подразумевало изложение "свободных мыслей в свободной форме"; в частности, здесь могли быть помещены отрывки из подлинных дневников, а также "псевдодневниковая" проза – тексты, которые, не будучи фрагментами реальных дневников, должны были восприниматься читателем как таковые

(26). Именно к этой традиции, как кажется, и восходила СД (27). При этом важно, что идея "Дневника писателя" была связана в сознании Блока с актуальными для поэта (особенно в послереволюционные годы) мыслями о документальности в литературе – о непридуманности, достоверности художественного слова как средстве борьбы с "декадентским" эстетизмом, "литературщиной" (28). СД, очевидно, была опытом создания такой прозы.

Почему блоковский замысел не был окончательно реализован? По-видимому, это было связано с тем, что уже весной 1918 года взгляд поэта на современность стал меняться. "Скифские" настроения, ощущение подхваченности революционной стихией все более уступали место сомнениям в близости "нового мира"; идея "мессианской" роли России в отношении Востока и Запада сменялась чувством неблагополучия в самой России. В этих условиях замысел СД, тесно связанный со "скифской" идеологией, уже не мог быть воплощен. Окончательный отказ Блока от этой работы произошел, очевидно, летом 1918 года, когда для поэта "уже ясно определились дальнейшие пути русской революции" (29). На эту дату указывают и данные текстологии: летом 1918 года на обороте рукописи СД был записан фрагмент статьи "Размышления о скудости нашего репертуара" (2 июня – 29 августа 1918; У1, 284–291) (30). Концепция этой статьи, как и СД, во многом связана с 41-й лекцией Ключевского. Вполне вероятно, что в ходе работы над "Размышлениями о скудости..." Блок пересматривал материалы, относящиеся к СД, что и актуализировало для него идеи историка. Так или иначе, рукопись СД была сохранена поэтом до лета 1918 года, когда он признал ее ненужной.

Итак, замысел СД связан с определенным – "скифским" – периодом в развитии блоковской историософии, которая начала складываться в первой половине 1910-х годов (статьи этих лет, поэма "Возмездие") и была завершена в статьях 1919–20 годов ("Крушение гуманизма", "Владимир Соловьев и наши дни" и др.). Изучение замысла СД, как кажется, добавляет еще один штрих к нашему представлению о творческих и мировоззренческих поисках Блока эпохи революции.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, № 217, л. 4 об. Лист с перечеркнутым текстом наброска использован при работе над статьей "Размышления о скудости нашего репертуара" (лето 1918). Внешний вид рукописи позволяет думать, что набросок мог иметь продолжение: лист исписан до самого конца, не стоит дата, в правом верхнем углу – нумерация: "1".

2. Блок А. А. Собр. соч. : В 132 т. – Л. , 1932–1936. – Т. 8. – С. 258; Блок А. А. Собр. соч. : В 8 т. М. ; Л. , 1960–1963. Т. 6. С. 448. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием в скобках тома и страницы. Там же даны ссылки на издание: Блок А. А. Записные книжки. – М. , 1965 (ЗК с указанием страницы).

3. На основании этой записи производилась датировка наброска: ср. У1, 448; ЗК, 584. К сожалению, в 8-томном собрании сочинений публикаторы не указали, что дата не принадлежит Блоку.

4. ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, № 230, л. 6 об. ; подчеркнуто Блоком (запись на обороте одного из листов рукописи "Молний искусства", где набросан список дел, озаглавленный: "II/III (26/II) - планы".

5. Максимов Д. Е. Ал. Блок и Вл. Соловьев (по материалам библиотеки Ал. Блока) // Творчество писателя и литературный процесс. Иваново, 1981. С. 188.

6. Становление блоковской концепции истории неоднократно рассматривалось исследователями. Ср. : Черепнин Л. Ал. Блок и история // Вопросы истории. 1967. № 1. С. 37–59; Гордин М. История – это возмездие // Звезда. 1980. № 10. С. 87–102.

7. Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 3. М. , 1908. С. 1–18. Известны многочисленные пометы Блока в этом тексте. Ср. : Библиотека А. А. Блока : Описание / Сост. О. В. Миллер, Н. А. Колобова, С. Я. Вовина; Под ред. К. П. Лукирской. Л. , 1985. Кн. 2. С. 23.

8. Свои мысли по поводу 41-й лекции Ключевского Блок выразил в дневнике. Ср. запись от 18 июня 1917 года: (УП, 264).

9. Представление о территориальных потерях как пути, ведущем к гибели "старого мира", сложилось у Блока, по-видимому, также не без влияния 41-й лекции Ключевского: одной из особенностей прошедшего периода историк считает чрезмерный территориальный рост государства, отрицательно сказывающийся на благосостоянии народа. Блок обратил особое внимание на эту мысль: слова Ключевского "Государство пухло, а народ хирел" подчеркнуты им дважды, на полях поставлено "NB". Ср. : Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 3. С. 11; Библиотека А. А. Блока: Описание. Кн. 2. С. 23.

10. См. : Максимов Д. Е. Материалы из библиотеки Ал. Блока (к вопросу об Ал. Блоке и Вл. Соловьеве) // Уч. зап. ЛГПИ. Т. 184. Вып. 6. Л. , 1958. С. 386; Минц З. Г. Поэтический идеал молодого Блока // Блоковский сб. 1. Тарту, 1964. С. 224.

11. См. : Соловьев Вл. С. Соч. СПб. , Б. г. Т. 4. С. 120–167. Ср. многочисленные пометы Блока в этой работе: Библиотека А. А. Блока: Описание Кн. 2. С. 249–150.
12. Ср. : Соловьев Вл. С. Соч. Т. 4. С. 143–163.
13. Там же. С. 163–167.
14. Там же. С. 10; ср. с. 164–166.
15. Трансформация идей Вл. Соловьева в блоковской историософии рассмотрена в работе: Лавров А. В. Александр Блок и Зыгмунт Красиньский // Литература и искусство в системе культуры. М. , 1988. С. 452–460.
16. Ср. : Гордин М. История – это возмездие. С. 93–94; Минц З. Г. "Вступ. ст. к публ. переписки Блока и Вл. Пяста" // Лит. насл. М. , 1981. Т. 92, кв. 2. С. 189.
17. Ср. : Лавров А. В. Ал. Блок и З. Красиньский. С. 458.
18. Ср. : VII, 317–318, 326, 328–329; Иванов–Разумник Р. В. Вершины: Ал. Блок. А. Белый. Пг. , 1923. С. 200 (близкая Блоку статья "Испытание в грозе и буре"); ср. также концепцию блоковских "Скифов".
19. Отмечено А. В. Лавровым в указанной статье (с. 458).
20. Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. № 1–10. Сергиев Посад, 1917–918. № 6–7. С. 83, 85; № 10. С. 142. Ср. : Библиотека А. А. Блока: Описание. Кн. 2. С. 216. Несогласие Розанова с соловьевской концепцией в целом, как кажется, в данном случае было для Блока не столь существенным.
- Об интересе Блока к соловьевской трактовке "еврейской проблемы" свидетельствуют многочисленные более ранние пометы в статьях Соловьева "Еврейство и христианский вопрос" и "Новозаветный Израиль" (см. : Там же. С. 249–251). Ср. также ЗК, 77.
21. Ср. мнение А. В. Лаврова о характере восприятия Блоком соловьевской историософии: Лавров А. В. Ал. Блок и З. Красиньский. С. 456–457. См. также: Минц З. Г. Поэтический идеал молодого Блока. С. 224.
22. Соловьев В. С. Соч. Т. 1. С. 214–226. На актуальность этой статьи для Блока в начале 1918 года указывает тот факт, что, дополняя в то время "Синхронистические таблицы XIX века", начатые в 1908 году, Блок внес туда эту статью – единственную из небольших работ философа. То, что это было сделано не в 1908, а в 1918 году, видно по почерку. Ср. : ИРЛИ, ф. 654, ош. 1, № 218, л. 64.
23. Соловьев Вл. С. Соч. Т. 1. С. 225. Это место Блок отчеркнул на полях двумя чертами и поставил два "NB". Ср. : Библиотека А. А. Блока: Описание. Кн. 2. С. 239.
24. Традиция "Дневника писателя", ее развитие символистами и Блоком (в 1910–х гг.) рассматривались Н. В. Котрелевым: см. его комментарий к публ.

Из переписки Ал. Блока с Вяч. Ивановым / Публ. Н. В. Котрелева // Изв. АН СССР. Серия лит. и яз. Т. 41. 1982. № 2. С. 174.

25. "Свободные мысли в свободной форме" – эпитафия к "Дневникам писателей" под редакцией Ф. Сологуба. См. : Дневники писателей / Редактор-издатель Ф. Сологуб. СПб., 1914. № 1–3.

26. Ср. письмо А. Белого Блоку от 30 сент. 1911 г. (по поводу задуманного тогда журнала "Труды и дни"), где, по существу, излагается концепция "Дневников писателей": Александр Блок и Андрей Белый: Переписка. М., 1940. С. 266. См. также: Дневники писателей / Редактор-издатель Ф. Сологуб. № 1–3.

27. Ср. переключку названия блоковской статьи с заглавиями материалов, помещенных в сологубовских "Дневниках писателей": "Из дневника", "Из записной книжки", "Из мечтаний, остающихся в записной книжке", "Из моего дневника" и т. п.

28. Ср. блоковскую характеристику задуманного группой символистов (впоследствии несостоявшегося) журнала "Дневники писателей" (1911), в обсуждении которого поэт принимал активное участие: "Все мы принципиально изгоняем литературщину, "декадентство" <...> (УШ, 327). О проблеме документальности позднего творчества Блока см. : Минц З. Г. 1) Мир поздней лирики // Литературное обозрение. 1980. № 10. С. 46; 2) Блок и русский символизм // Литературное наследие. М., 1980. Т. 92, кн. 1. С. 160.

29. Иванов-Разумник Р. В. [Воспом. о Блоке] // Памяти Ал. Блока. Пб., 1922. С. 59. Ср. также ЗК, 417.

30. См. сноску 1.